

ВВЕДЕНИЕ

Чем более оригинальна мысль, тем более богатым становится Немыслимое.

Немыслимое — самый прекрасный дар, который мысль может пожертвовать человеку.

Жак Деррида

Эта книга, которую я хотел бы держать в руках более тридцати лет назад, когда приступал к серьезным психологическим исследованиям. Как и многие молодые люди, я вступил на эту территорию с далеко идущими, прямыми насущными вопросами — какова причина того, что люди ведут себя так, а не иначе? Почему в нас столько сумасшествия? Что мы можем с этим сделать? Восемью годами позже, имея диплом доктора философии, я знал намного больше о проектировании экспериментов, статистике и запоминании бессмысленных слов, нежели о том, что побудило меня начать поиски. Должно было пройти еще шесть лет, и тогда, имея уже должность на уважаемом университетском факультете и получив свободу от занятий на предназначенный для научных изысканий год, я, наконец, вернулся к этим более фундаментальным проблемам. Это потребовало отбросить ограничения интересов, навязываемые тогда основным течением академической психологии, и решить, какой вид знаний действительно важен. Знаний эмпирического характера, приобретаемых благодаря соблюдению жестких принципов, устанавливаемых для каждого конкретного случая, попросту было недостаточно в вопросах такого рода. Я пришел к выводу, что поиски ответа будут требовать использования более, чем одного, способа познания и интеграции многих, часто не зависящих друг от друга элементов. Завершение этой книги замыкает круг (если не описывает его полностью) в поисках ответа на вопросы, которые когда-то привели меня именно в эту область познания. Отдельные элементы ответа относятся к главному течению академической мысли, но все же большая их часть вышла за ее рамки. То, что вы можете здесь найти — это плод интуиции, теории, опыта, дедукции и, несомненно, в значительной мере продукт именно главного направления эмпирических исследований.

«От чего зависит то, что люди ведут себя так, а не иначе?» — это вопрос, очень похожий на другой, не менее обширный и важный: «Какова человеческая природа?» Мне кажется, что исследования развития и соответствующая им теория в своей сущности — попытка дать ответ на эти вопросы. Поддерживающая курация новорожденных, грудных младенцев и детей приводит к рассуждениям на тему сущностной природы этих существ — столь беспомощных вначале и одновременно так потенциально одаренных. Чтобы осознать, насколько человек одарен еще в самом начале своего жизненного пути, иногда необходимо старательное, планомерное наблюдение. Для реализации этой цели особенно полезны будут теории, предлагающие подходящие вопросы.

То, что мы получили, благодаря теории и исследованиям развития — это расширенное и вместе с тем точное описание человеческой природы. Прежде всего, оно включает в себя виды потребностей, удовлетворения которых требует человеческая природа, и состояние окружающей среды, необходимое ей для развития всего своего потенциала. Одновременно наблюдение за детьми в ходе их развития подсказывает нам, что случится, если эти потребности будут подвергаться хронической фрустрации, или если не будут созданы благоприятные условия для их удовлетворения. Повторим еще раз — теории подсказывают, на что обращать внимание, и определяют самые важные в данной ситуации причинно-следственные связи между условиями раннего детства и последующим развитием.

Я всегда считал, что самым привлекательным вариантом реализации этого основного положения будет ее применение к поискам ответа на следующий вопрос: «Почему в нас столько сумасшествия?» Очевидно, что если бы не оно, то в мире могло бы быть значительно меньше страданий и разрушений. Человеческая природа разрешает проблемы несравненно лучше, чем любая другая форма жизни, но наше сумасшествие существенно вмешивается в эти процессы на каждом уровне. Так происходит в семье, на работе, в политике — всюду можно наблюдать невероятное опустошение и боль, являющееся следствием нашей склонности к деструктивному функционированию.

В ходе поиска ответов на второй из этих вопросов я пришел к выводу, что исключительно полезным будет изучение наиболее часто встречающихся личностных примеров и синдромов, в которых вышеупомянутое сумасшествие находит свое выражение. Эти паттерны лучше всего были описаны теми из клиницистов, которые делали попытки лечения патологии. Среди них, в свою очередь, самые ценные работы чаще всего

выходили из рук тех, кто описывал структуры, стили и нарушения характера. Явившиеся в результате их деятельности описания типичных групп характерных симптомов с успехом выдержали проверку временем и клинической практикой и относительно сносно прошли требования более систематических исследований. Более экстремальные формы этих нарушений характера или личности широко используются для диагностических целей во всем мире.

Итак, мы пришли к интеграции двух способов познания, которая помогает нам ответить на вышеназванные вопросы.

Изучение человеческого развития или человеческой природы очень хорошо согласовываются с описаниями человеческого сумасшествия. Более того, характерные личностные стереотипы появляются не только в самых тяжелых формах психических заболеваний. Документально очень явно зарегистрировано их существование в нормальной популяции и в группах,отягощенных менее серьезной патологией. Я убежден, что можно примерно проследить такие полезные продолжения человеческих нарушений, от менее серьезных до более серьезных, каждое из которых представляло бы собой отражение существенных элементов, составляющих человеческую природу. Я лично различил семь таких элементов, вокруг которых организуется личность и ее психопатология. Возможно, их существует больше.

Решающим для приспособления каждой личности в рамках каждого континуума является взаимодействие. Это взаимодействие между индивидуумом, с его изменчивыми, но насущными потребностями, и изменяющейся способностью среды их удовлетворять. Именно это взаимодействие формирует личность и приводит к психопатологии. В эпоху, в которой наиболее фундаментальная наука — физика элементарных частиц — объясняет, что материя по своей сути есть продукт взаимодействия, мы готовы понимать и ощущать свою личность и личностную патологию как результат отношений.

Однако, такая точка зрения не является чем-то новым в психиатрии. Среди тех, кто внес в нее свой вклад, самыми первыми, самыми выразительными и плодотворными следует назвать Fairbairn (1974, оригинальное издание 1952) и Guntrip (1968, 1971). Эти фигуры являются представителями течения психологии, известного под названием «британская школа теории объектных отношений», в котором подчеркивается роль отношений родитель — ребенок в формировании личности и психологии. С ними связано направление психоаналитической теории, в которой главное место отводится теоретически выводимым категориям развития

ребенка и психопатологий, основанных на отношениях раннего детства. Сам характер обычно не представляет особого интереса для этих теоретиков, поскольку их рассуждения к нему не относятся. Их теории преимущественно вдохновляются и модифицируются не исследованиями развития детей. Поэтому что мне кажется необходимым для глубокого осознания существенных вопросов, так это интеграция процессов развития, факторов, определяющих реакции, и характерологических синдромов. Поскольку все составные элементы этого начинания с некоторых пор стали доступны, то были уже то здесь, то там сопоставлены. Я лично пытался осуществить это в своих самых ранних книжках, предназначенных для терапевтов (Johnson, 1993 а, в, с). Каждая из них была посвящена одному или двум характерологическим паттернам, с особой нацеленностью на их лечение. Я старался писать как можно менее техническим языком, так, чтобы ими мог воспользоваться любой образованный человек, не обязательно психолог. Одновременно следует признать, что содержимое каждой из этих книг, будучи трактуемо отдельно, не будет большим вызовом терапевтам. Таким образом, каждый серьезный студент для получения целостного образа должен был сопоставить все эти позиции и дополнительно обратиться к другим книгам. Настоящая же книга представляет собой полное сопоставление. Сначала я даю целостное описание теоретически-эмпирической модели, в которой осуществлено объединение процессов развития, характера и взаимодействия. Далее книга глубоко освещает отдельные структуры характера, отражающие семь основных жизненных проблем.

Я надеюсь, что мой труд будет понятен любому студенту-старшекурснику, и что каждому читателю она поможет ответить на его вопросы, касающиеся человеческой природы и сущности сумасшествия. Надеюсь также, что она будет способствовать установлению системы понятий, благодаря которой можно будет ассоциировать способы поведения с нарушениями, встречающимися не только в психотерапии, но и в повседневной жизни, в межличностных отношениях. Однако, здесь мы имеем дело с чрезвычайно важными вопросами и слишком сложными проблемами, чтобы оставлять за собой последнее слово и дефинитивное разрешение. Различные отрасли знания — теоретические, эмпирические, интуитивные, экспериментальные и другие — будут и впредь вдохновлять и исправлять наши актуальные определения.

Ответы на третий вопрос, касательно того, что мы можем сделать с нашим сумасшествием, занимают то пространство, в котором я записал меньше всего определений. Проблема эта наверняка пройдет еще

долгий эволюционный путь, а ответы будут получены из таких разных областей знания, как, например, психофармакология или экология. Однако, я придерживался стратегии, принятой в моих первых трех книгах, и сохранил выделенные в них части, в которых я представляю главные области психотерапевтической работы с отдельными типами характеров. В этой книге я обращаюсь в основном к психотерапевтам, но содержащаяся в ней информация может помочь на пути личностного роста и самосовершенствования.

Первые четыре раздела представляют целостную теоретически — эмпирическую модель. Ее оригинальная версия происходит из ранней работы «Симбиотическая личность и ее лечение» (Johnson, 1993b). В разделах со второго по четвертый рассматривается эта модель в отношении к каждой из семи представленных экзистенциальных проблем и их характерологических манифестаций. Начинаящий читатель может опустить эти разделы, так как они содержат исследовательский материал в большей степени, чем остальные главы.

Каждая из последующих глав описывает одно экзистенциальное переживание и, как следствие сопутствующих ему нарушений, сформировавшийся характер — его этиологию, экспрессию и терапевтические цели. С минимальными поправками я использовал для этой цели описательные разделы моих предыдущих работ. Главы 5 и 6 взяты из книги «Характерологическое изменение. Чудо тяжелого труда» (Johnson, 1993, с); глава 7 из вышеупомянутой работы «Симбиотическая личность и ее лечение», а глава 8 из «Гуманизации нарциссического стиля» (Johnson, 1993 а). Следующие главы, с 9 по 11, были написаны специально для этой книги, чтобы дополнить описание семи типов характера.

Каждая глава представляет собой, в сущности, законченное целое, поэтому книгу можно читать в любом порядке. Однако глава 1, ввиду того, что она дает теоретическое основание, может быть очень полезна для более полного понимания последующих рассуждений. Читателям, знакомым с проблематикой нарушений личности, эта глава поможет соотнести мои методы лечения с теми, которые применяются в настоящее время в этой области. Внимательные читатели могли бы спросить: что, собственно, в моем подходе нового или необычного? Ответ был бы таков: ничего особенно нового здесь нет. А что необычного? Это точно не психоаналитический подход, не теория объектных отношений, не психология эго или self. Это также и не другая характерологическая систематика — развитийная, интеракционная или феноменологическая. Отличие заключается не в теоретическом, эмпирическом, эксперимен-

тальном, интуитивном или дедуктивном подходе. В сущности, здесь есть все это, и, благодаря объединению — больше, чем только это. Я старался ответить на насущные вопросы с помощью доступной информации. Для каждого человека, которого они волнуют, в этом и заключается задача, которую мы должны выполнить. Вот мой ответ. Надеюсь, он будет полезен.

Глава 1. ТЕОРИЯ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Целью этой главы будет интеграция того, что мы знаем на тему развития человека, с тем, что нам известно о повсеместно распространенных типах характеров. Хотя знания о характерах и процессах развития постоянно пополняются и определяются нашей культурой, я считаю, что такой интегрированный подход предоставит нам обобщенную карту территории знаний, касающихся личности и психопатологии. Подход к проблеме понимания и помощи людям, опирающийся на значимые события в их развитии, дает карту, на которой будут обозначены наиболее важные места — это карта достаточно общая и, вместе с тем, соответственно направленная, поэтому — весьма полезная. Особенно тогда, когда такой подход к характерологическому развитию поучаствует в эволюции знаний и культуры. Он может быть основой для интеграции результатов развития человеческого потенциала с влиянием условий среды, показывая, как начальный потенциал влияет на процессы обучения.

Психоаналитическая психология развития (что является общим определением для теории объектных отношений, психологии эго и self) нашла повседневное применение в клинической практике, потому что в целостном виде поднимает некоторые из насущных вопросов. Каковы самые основные детские потребности и влечения? Что необходимо ребенку, чтобы достигнуть оптимального человеческого развития? Каким образом личность формирует интегрированное, сильное чувство self? Каким образом происходит когнитивное развитие, и как оно связано с характером и психопатологией? Как неудовлетворенность, травма или хроническая фрустрация влияют на человеческое бытие? Существуют ли критические периоды для развития отдельных человеческих ценностей? Если да, то какие? Соединяет ли человеческая сущность в себе разные аспекты окружения? Если да, то каким образом?

Учебная карта, которая необходима для ответа на вышеупомянутые вопросы, с успехом может быть применена при идентификации самых разнообразных личностных ситуаций и психопатологий. Использо-

мая в настоящее время Американской Психиатрической Ассоциацией система классификации Diagnostic and Statistic Manual, 1994 (DSM-IV-R Руководство по диагностике и статистике психических нарушений) наверняка будет полезна в качестве исходной точки, благодаря ее специфической демократичности и отсутствию теоретической основы. В своих предыдущих работах (Johnson, 1993 a, c) я говорил, что современный характерологически — аналитический подход рассматривает типологию личности и психопатологии в таком же ключе, только более упорядоченно. Более того, если этот подход будет учитывать аспекты развития и межличностные моменты, то мы получим ценную модель, которая будет включать в себя все богатство терапевтических техник и укажет, как их правильно использовать.

В теории характерологического развития каждая структура характера вырастает на базе одной из основных экзистенциальных проблем. Каждая из них имеет фундаментальное значение для человеческого опыта и требует постоянного разрешения на протяжении всей жизни. Существуют и предсказуемые периоды жизни, в течение которых эти проблемы приобретают особое значение. Исключительно важным может быть первый опыт самостоятельного разрешения такого вопроса, особенно опыт травматический, поскольку такие первоначальные формы решений имеют тенденцию закрепляться. Другими словами, в представляемой модели мы имеем дело не с постепенным, шаг за шагом, развитием, в ходе которого основные жизненные проблемы разрешаются на соответствующей фазе жизни, так, чтобы ребенок мог преодолеть следующие на очередном этапе. Эти проблемы слишком важны, чтобы можно было остановиться на таком подходе. Следует, скорее, принять, что конфронтация с фундаментальными человеческими проблемами появляется уже в начальный период жизни, и что некоторые из ранних попыток их разрешения базируются на ограниченных возможностях и недостаточном жизненном опыте. Когда конфронтация носит травматический характер, ранние решения имеют склонность к «закостенению», и их очень трудно изменить. В предлагаемой модели эти ранние решения часто носят характер адаптации, с учетом ограничений окружения и индивидуальных возможностей, а их результатом нередко является бегство от травмирующих переживаний.

В работах Salomon и Wynne (1954) зарегистрировано необычайное постоянство условной реакции бегства. В ходе экспериментов собак учили избегать электрического удара, о котором их предупреждал сигнал. Один раз проявленная реакция избегания не исчезала, пока жи-

вотных не перенесли обратно в их обычные клетки, но и тогда процесс отучения сопровождался сильным сопротивлением и эмоциональностью. Ригидность подобным образом установившихся решений может пролить свет на психопатологию людей, обращающихся за помощью к психотерапевту. Часто люди должны научиться тому, что шоковые раздражители уже не существуют, и их стереотип бегства не обязателен.

Модель характерологического развития привлекательна в качестве карты всех этих процессов также потому, что она предлагает варианты разрешения одного из центральных противоречий, присутствующих в психоаналитической теории. Лучше всего обозначили его Greenberg и Mitchell (1983), которые указали на принципиальную невозможность согласовать теорию влечений классического психоанализа, представляющую собой концептуализацию бессознательного конфликта инстинктивных импульсов и социальных ограничений, с моделью интерперсональной, в которой содержание *psyche* целиком производно от межличностных отношений. В этом интерперсональном взгляде динамические конфликты между двумя или более интернализированными аспектами личности почерпнуты у других людей в виде интерперсональной матрицы.

Модель, которой пользуется в настоящее время анализ характера, в равной степени делает акцент на действии архаических инстинктивных импульсов (таких как сексуальность или агрессия) и на реакции окружения на эти индивидуальные импульсы и потребности. И, что более важно, теория также показывает, что *ведущие черты характера и, как их результат, психопатология — есть личностная стереотипная переработка естественной органической реакции на фрустрацию окружением инстинктивных потребностей человека*. Таким образом, в значительной степени то, что представляет собой характер, и что вызывает психопатологию, рассматривается как сложная реакция личности на фрустрацию, вызванную средой. Конфликт носит интерперсональный характер, но основывается на том, что в человеке является врожденным.

Постепенно все больше современных теоретиков склоняются к признанию существования у человека как врожденной потребности в отношениях (напр. Fairbairn, 1974, Mitchell, 1988; Stern, 1985), так и неотъемлемой потребности индивидуации (напр. Mahler, Pine, Bergman, 1975; Masterson 1976, 1981). Признавая эту вторую категорию «инстинктов», они могут с успехом понимать характерные констелляции личности и психопатологии как производную этих больших жизненных про-

блем, зависящую от того, как они воспринимаются, как фрустрируются или разрешаются, и каковы индивидуальные реакции на постоянную фрустрацию. Знание о развитии не только младенцев, но и взрослых на протяжении всей жизни предоставляет нам также информацию о разнообразных проявлениях каждой из фундаментальных проблем, о человеческой психике на отдельных возрастных этапах, а также о природе разного рода ошибок и когнитивных искажений, появляющихся в отдельные периоды жизни (например, Kegan, 1982).

Есть также и еще полезные моменты использования характерологически — развития подхода к психотерапии. Первый — то полезное действие, которое это существенное терапевтическое преобразование может оказывать на клиента и терапевта. Если мы сохраняем соответствующую позицию уважения к клиенту, то такое направление взгляда легко найдет у него поддержку — ведь он неоднократно ощущал, что его поведение, отношение или чувства действительно незрелы. Такая переориентация, правильно поданная, может позитивно влиять на процесс его самоопределения, предлагая клиенту заместить самоуничтожение сочувствием и пониманием по отношению к самому себе. Так же, как и в случае любой другой герменевтической интервенции, человек получает удовлетворение от понимания и, таким образом, достигает некоторого контроля над проблемой. Терапевтическая переориентация на развитие дает еще больше. Для освоения новых умений и выбора соответствующих интервенций можно использовать ее положения для выделения способностей, которые еще не обретенны, и проблем, которые еще не разрешены, а потом найти соответствующий контекст и дать толчок процессам обучения, необходимым для развития и разрешения проблем.

Польза, получаемая от понимания, сочувствия и контроля, так же относится и к терапевту. Особое значение приобретает то, что он получает помощь в поддержании терапевтической дистанции по отношению к собственным негативным реакциям. Например, нарциссический клиент, который способен поддерживать отношения с другими только через их идеализацию или обесценивание, или использование в качестве публики для демонстрации своего величия, с легкостью провоцирует разные негативные реакции у большинства людей. Однако, терапевт, который сможет увидеть в этом взрослом ребенка и понять, что принятая им позиция — это все, на что он в данный момент способен, будет в состоянии сдержаться и ответить более адекватным ситуации образом. Терапевту важно помнить, что модель развития — это толь-

ко модель действительности, которая может также генерировать и обосновывать излишек терапевтических реакций. Наконец, следует подчеркнуть, что модель характерологического развития не только направляет внимание терапевта на некоторые из важнейших положений, но также и предлагает способы разрешения этих проблем.

В зависимости от того, насколько правильно мы воспринимаем основные процессы дифференциации у младенца, ребенка и взрослого, мы будем способны ассистировать клиенту в прохождении этих этапов. Исследования развития показывают, что способность к принятию другой точки зрения или к одновременному сохранению противоречивых чувств, относящихся к одному и тому же объекту, развиваются путем многих повторений в ходе эмоционального и когнитивного развития. Молодой взрослый способен принять другую точку зрения в значительно большей мере, чем ребенок в латентный период, а тот, в свою очередь, может проявить намного более изысканную эмпатию, чем восемнадцатимесячный ребенок. Таким же образом будет выглядеть ситуация, когда умениями такого рода должен будет овладеть взрослый клиент — его обучение не будет таким же, как у младенца, но некоторые из важнейших процессов будут идентичны. Терапевтические сеансы, процедуры обучения и уровень концептуализации в хорошей психотерапии, ориентированной на развитие, будут согласованы с возрастом и ситуацией клиента, но документированные знания, касающиеся повторяющихся процессов, не могут не оказаться полезными.

Сформулированные Kohut (1971) понятия архаического переноса в виде слияния, отражения или идеализации предлагают другие полезные примеры этого повторяемого процесса созревания. С одной стороны, это поведение в переносе (по Kohut) является типичным проявлением нарциссического нарушения личности, а с другой стороны они представляют собой главные составные элементы его концепции развития self. Он принимает то, что потребность в такого рода отношениях с self-объектом сохраняется на протяжении всей жизни, но, поскольку личность психически созревает, то и потребности self также созревают. Так происходит с потребностью в других людях и в идеалах, которым мы могли бы себя посвятить, с отношениями с людьми, которые похожи на нас, и которые могли бы нами восхищаться, и т.д. Терапия, выведенная из такого развития подхода, будет репаративна, но не регрессивна, поскольку она признает аналогичную моей модель характера и выделяет актуальные сильные стороны клиента.

Согласно представляемой здесь теории, личность и психопатология принимают форму особых констеляций, являющихся результатом интеракции между инстинктивными потребностями личности и способностью или неспособностью окружения дать на них соответствующий ответ. Эти инстинктивные потребности значительно выходят за рамки оральных, анальных и фаллических влечений, выделенных Фрейдом, и включают хорошо исследованную младенческую потребность в привязанности к основному опекуну (напр. Bowlby, 1968); детскую потребность индивидуации через исследование среды, самостоятельную активность и построение психических границ (например, Mahler, 1968); потребность самостоятельно формируемой экспрессии (напр. Kohut, 1971, 1977, Lowen, 1958, 1983) и потребность гармоничных отношений self — другие (напр. Kohut, 1971, Stern, 1985). В этой теоретической конструкции природа личности и психопатологии, кроме того, в значительной степени определяется типом фрустрации, с которым она сталкивается в интерперсональных отношениях, пытаясь удовлетворить многие из этих потребностей. Личность и психопатология далее определяются естественной, инстинктивной реакцией на фрустрацию предъявляемых потребностей, и методами, которые личность применяет, чтобы с этим справиться — приспособления или подавления этих естественных реакций. Выбор механизмов приспособления еще дополнительно детерминируется диапазоном структурных умений, доступных на том уровне развития, который достигнут в момент переживания фрустрации и — в равной степени — диапазоном возможностей, являющихся результатом моделирования и акцептации со стороны окружения. Именно эта игра между инстинктивными потребностями и влияниями интерперсонального окружения образует по настоящему связную теорию.

Теоретики анализа характера (напр. Levy, Bleecker, 1975) линейно представили развитие характера в виде пяти этапов:

1. Самоутверждение — первоначальная экспрессия инстинктивных потребностей.
2. Негативный ответ среды — блокировка или фрустрация этих потребностей социальным окружением.
3. Органическая реакция — естественный, идущий изнутри ответ на фрустрацию, вызванную окружением — обычно это переживание и выражение интенсивных негативных чувств, чаще всего злости, ужаса и сожаления об утрате.

Эти три начальных этапа, на первый взгляд, продвигают развитие вперед. Характер же формируется в последних фазах.

4. Четвертый этап был назван «самоотрицанием». Это более изысканная форма обращения против себя, которая состоит в самостоятельной имитации социальной среды, блокирующей экспрессию естественных инстинктивных импульсов, а также в блокировке инстинктивных реакций на эту блокаду. Именно эта идентификация со средой обращает личность против нее самой, приводит к интернализации блокады экспрессии self и создает психопатологию. Таков источник внутреннего конфликта, который может действовать в течение всей жизни: конфликта между непокорными инстинктивными потребностями и реакциями с одной стороны и интернализованной блокадой этих потребностей и реакций — с другой.

Вильгельм Райх, Александр Лоуэн и другие биоэнергетические терапевты подчеркивают факт, что блокировка самоэкспрессии имеет буквальное отражение в теле, проявляющееся хроническим мышечным напряжением, которое может привести к нарушениям осанки. Настоящей целью такой блокады, или самоотрицания, было предохранение от переживания боли и фрустрации, связанных с блокадой окружения. Поскольку эта задача продолжает выполняться, очень сложно вызвать какое-либо изменение. Блокада на уровне тела — это просто органический метод вытеснения из сознания настоящих потребностей и неприятных реакций на фрустрацию. Более того, телесные блокады позволяют избежать страха стать опять чувствительным и боятся от риска вновь получить травму.

Позиция Fairbairn (1974) кажется в этом вполне цельной, но дополнительно расширенной. В его интерпретации, настоящая органическая самоэкспрессия (инстинкты, импульсы либидо и т.д.) направлена на поиск объекта. Если объекты (другие) вызывали фрустрацию или блокировку, то личность осуществляла их интернализацию, а затем неосознанно воспроизводила. Таким образом, настоящие импульсы, характеризуемые Fairbairn как индивидуальные, «агрессивные» реакции на фрустрацию, также оказываются сведены в бессознательное. Что во взглядах Fairbairn нового, и о чем мы подробнее поговорим в главе 9 — это акценты на созданные таким путем неосознанные и стойкие отношения с объектом, отвечающие за статический характер психопатологии и сопротивление личности новым отношениям, обучению

и переменам. Изменение отвергается не только потому, что могло бы вызвать воспроизведение «плохих объектов» и направленных против них подавленных импульсов — не принимаемого психического состояния, которое запускает механизм подавления — но также ввиду индивидуальной привязанности к этим объектам, как интернализированным. «Именно эта детская потребность в родителях, какими бы плохими они ни казались, является фактором, вынуждающим ребенка к интернализации плохих объектов; по причине же того, что эта потребность остается связанной с ними в бессознательном, ребенок не в состоянии первым сделать шаг к расставанию с родителями» (Fairbairn, 1974, s.68).

Иначе говоря, процесс самоотрицания в каждом случае имеет свое более широкое отношение и оказывается неповторимым образом персонифицирован. Такая конструкция, выявляющая конфликт в self и объясняющая патологию и сопротивление через категории, например, интернализированного объекта, который подавляет «либидо»-экспрессию, клинически очень полезна. Большая часть гештальт-терапии основана на процессах, которые способствуют введению в сознание и актуализации этого расщепления в self, а также воспроизведению внутренних отношений.

5. Пятый и последний этап в этой последовательности был назван процессом адаптации. В сущности, он заключается в выявлении лучшего из предпринятых перед этим шагов. Он включает в себя много компромиссов, в которых делается попытка разрешить неразрешимый конфликт. Аналогичными понятиями Салливена была «операция безопасности», а у Винникотта «фальшивое я». В этой концепции незрелый, например, нарциссический человек, не имея возможности получить соответствующее одобрение от своих опекунов с помощью своей естественной экспрессии, будет идентифицироваться с таким образом себя самого, какой будет им нужен для их собственных целей, и сделает все, что в его силах, чтобы жить соответственно этому образу. Таким образом он по крайней мере получает иллюзию так необходимого ему отражающего согласования. Одновременно он может избежать воспроизведения болезненных нарциссических травм, возникающего в результате настоящей экспрессии self (в той степени, в какой он будет способен жить в согласии с ожиданиями окружения). Это частично объясняет, почему делающая успехи нарциссическая личность так сопротивляется изменениям.

Процесс самоотрицания определяет, от чего личность должна отвлечься, или что должна подавить. Процесс адаптации отвечает за то, что она должна преувеличить. То, какая часть настоящего self личности подвергается подавлению, а какая преувеличению, точно определяет характер — так, как мы его здесь понимаем. Психопатологию мы можем наблюдать как в подавлении, так и в преувеличении, а еще чаще в естественной склонности личности к такого рода привычной, неестественной адаптации, цель которой состоит в избегании боли в процессе контактов.

Взаимное вдохновение психоаналитической теории развития и других исследований развития (как в процессе наблюдения (Mahler), так и экспериментальных (Stern)) обогащает и постоянно модернизирует эту модель. Из этих источников получена информация о естественной природе органической аутоэкспрессии (инстинкты) при одновременном документировании, когда она появляется естественным образом, а когда в ходе экспериментального побуждения. Благодаря им также каталогизируются фрустрации, вызываемые социальным окружением, и детские реакции на них. В результате они выделяют виды структурных возможностей и препятствий, которые проявляются на протяжении всей жизни и являются основным источником процессов самоотрицания и адаптации. Эти источники представляют собой разнородную смесь эмпирических фактов с индуктивной и дедуктивной теориями, и однако, достигнута значительная степень согласия в вопросах, касающихся фундаментальных процессов. Хотя существуют расхождения относительно времени отдельных событий, и дискуссию о том, что является врожденным, а что — заученным, продолжается. И, что более важно, существуют факты, эмпирически выведенные из вышеупомянутых данных, которые — не будучи слишком отягощены интерпретациями — представляют собой солидные составные элементы теории развития характера.

Подход, применяемый в психологии, будет здесь полезен уже на уровне описания, помогая нам придать определенный смысл происходящим психопатологическим явлениям. Подобно другим, движущимся по этой территории (напр. Masterson, 1976, 1981; Meissner, 1988), я считаю, что мы имеем возможность наблюдать разнообразные формы психопатологии, складывающиеся в определенный устойчивый спектр. Я думаю, что главное измерение этого спектра касается структурного (часто называемого эго) функционирования личности. Эта модель предполагает, что некоторые фундаментальные проблемы формиро-

вания характера могут быть реконструированы путем соотнесения с этим спектром.

Так же, как и другие авторы, выделяющие высокий, средний и низкий уровни функционирования пограничных (borderline) и нарциссических личностей, я предлагаю использовать подобное разграничение для других характерологических случаев. Поскольку я считаю эти категории следствием экзистенциальных проблем, то используемые понятия будут отражать степень психических и поведенческих отклонений, проявляющихся по отношению к данной проблеме. Я полагаю, что люди становятся более понятными в отношении именно к этим экзистенциальным проблемам, хотя они могут оперировать на различных уровнях структурной интеграции в зависимости от того, с какой из них они имеют дело. Например, личность, которая обычно функционирует на высоком уровне интеграции, в случае угрозы (безопасности, чувству собственного достоинства, при возможности быть брошенной другим человеком и т.п.) может в большей или меньшей степени дезинтегрироваться и регрессировать. Эта концепция напоминает взгляды Gedo и Goldberg (1973), которые полагали, что различные психоаналитические модели разума (Models of the Mind) являются ключевыми для понимания различных типов психопатологического функционирования.

Таблица 1 дает настолько широкое представление об этом, насколько это возможно в графической форме. Каждая характерологическая проблема приурочена к одному из трех периодов развития, выделяемых теорией и исследованиями развития: привязанность — узы, развитие self и другие, развитие self в системе. Далее представлена вкратце часть характерологических проблем и соответствующая им экспрессия в поведении и отношениях. С правой стороны таблицы континуум структурного развития отражен в виде трех значимых пунктов, появляющихся на его линии. Они представляют собой: расстройство личности, невроз характера и характерологический стиль. Континуум отражает уменьшающуюся степень нарушений в структурном (то есть это-) функционировании, особенно по отношению к соответствующим ему проблемам. Например, при существовании шизоидных проблем (безопасность):

— шизоидное нарушение личности будет характеризоваться весьма низким уровнем структурного развития и высокой степенью нарушения функционирования, особенно в областях, касающихся таких проблем, как социальное отчуждение, ощущение небезопасности и невозможность плавной эмоциональной регуляции, что приводит к

чрезмерному использованию диссоциации и отчуждения для защиты от опасности привязанности. Шизоидное нарушение личности и функциональные психозы, выявляющие серьезное недоразвитие в функционировании эго, особенно в вышеупомянутых проблемных сферах, также могут быть отнесены к этой категории нарушений характера.

Все расстройства личности характеризуются чрезвычайно низким уровнем толерантности и трудностями с контролем многих эмоциональных состояний: тревоги, фрустрации, скорби, любви, интимности и т.д. При возникновении трудностей с преодолением эмоционального напряжения люди с расстройствами личности прибегают к помощи основного защитного механизма — расщепления. У шизоидной личности это расщепление может произойти на самом общем и примитивном уровне, в виде отделения от текущих переживаний в измененное состояние сознания. Так может происходить и при нарциссических или симбиотических нарушениях личности. Тогда расщепление будет принимать более специфическую форму отделения от других или своего self, а именно принятия одной, как правило, крайней точки зрения на других людей, себя и саму жизнь. Восприятие явлений в разделенном виде крайних противоположностей позволяет избавиться себя от стресса при выработке более зрелого, взвешенного подхода и интегрированного понимания и восприятия вещей такими, какие они есть. Таким образом, человек с расстройством личности может идеализировать или обесценивать других людей, а себя считать всемогущим или ничтожным. Более того, он может неустанно колебаться между этими двумя крайностями.

Проекция — следующая популярная защита, сопутствующая нарушениям личности. В этом случае эмоции, с которыми невозможно справиться, переносятся на других, благодаря чему не переживаются лично. Другой распространенной защитой является слияние с другими людьми. Чувство комфорта, ощущаемое благодаря иллюзии единства, может сохраняться, пока возможно сохранение самой иллюзии, и пока не наблюдается одновременное применение слияния и проекции. В таком случае проецируемые чувства становятся все более угрожающими и требуют дополнительной защиты, поскольку проецирующий их человек впоследствии идентифицируется с ними, и начинает видеть их направленность против собственного self. Это называется проективной идентификацией. Если начнется такой процесс, человек будет посвящать себя действиям, защищающим его от мнимых опасностей, часто

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru